

В. КАВЕРИН

НЕВЕРОЯТНОСТЬ ОЧЕВИДНОГО

ПРЕДСТАВЬТЕ себе, что вас попросили рассказать содержание «Бесприданницы» Островского, — случилось, что ваш собеседник не читал этого произведения. Вы можете исполнить просьбу, и сюжет знаменитой драмы Островского появится перед глазами вашего собеседника — смутный, приблизительный, но все же различимый даже в невнятном пересказе. Но попробуйте изложить своими словами содержание пьесы «Хармс, Чармс, Шардам...», поставленной Театром миниатюр по произведениям известного советского поэта Даниила Хармса, и вас ждет полная неудача. Можно рассказать отдельные мотивы — и я попробую это сделать. Но подлинную, возведенную в высокий ранг искусства необычайность этого спектакля «своими словами» передать невозможно. Для этого надо оценить эту, граничащую с открытием необычайность не только глазами, но всеми органами чувств, и в первую очередь давно забытым детским зрением, — как известно, для детского зрения плоский здравый смысл подчас кажется досадной помехой.

Когда-то, в 30-х годах, Хармс с друзьями приехал ко мне в Сестрорецк. Собрались пойти купаться под вечер, когда солнце уже захо-

дило. Пляж давно опустел, гости — Д. Хармс, Н. Олейников и Е. Шварц разделись, пошли к морю, и за ними с карикатурной неторопливостью поползли тени. Ничего особенного не было в этих удлинившихся тенях. Но, должно быть, все-таки что-то было, потому что длинный, костлявый Хармс вдруг подпрыгнул, смешно выворотил руки и заставляя свою тень повторить эти движения. Он вытягивал тело, вдруг садился на корточки и медленно «вырастал», строго поглядывая на свой далеко расползавшийся послушный силуэт. Это было внезапное вторжение «театра теней» в жизнь, игра с вымыслом, неожиданно сломавшая привычные представления. Тени стали участниками этой игры наряду с людьми. Если бы можно было договориться с ними, Хармс пригласил бы их в ближайшую пивную. Я не удивился бы этому. Перед нашими глазами встал бы образ спектакля, который надо увидеть, но о котором нельзя рассказать.

Что особенного в том, что молодой человек решил жениться? Ровно ничего. Он приходит к своей молодой красивой высокой маме и говорит: «Мама, я сегодня женюсь». Мама занята — она переносит какие-то покупки из картонной коробки, которая стоит на правой стороне

сцены, в коробку, которая стоит на левой. Она доброжелательно переспрашивает сына, и он послушно повторяет то, что хочет сказать. Но мама не понимает: ей некогда заниматься женитьбой сына. Сын терпелив, он пытается в других выражениях втолковать матери свое желание. Все бесполезно: красивая, милая мать, бессмысленно коверкая слова, переспрашивает его снова и снова, ни на минуту не оставляя своего занятия, — только теперь она переносит свои покупки обратно, из левой коробки в правую... Это не «явление», как говорили в старину, это не «сцена» — ведь ничего не происходит, это уже тень сцены, перенесенной в условный мир, для которого совсем не обязателен смысл. И странное дело! Зритель свободно дышит в этом мире, где дважды два — пять, где явную нелепость показывают ему как явление, полное глубокого смысла. Странное чувство «необязательности привычного» охватывает его, чувство, весело развивающееся руки.

Таких эпизодов в спектакле очень много. Он, в сущности, весь состоит из них. И эта «невероятность очевидного», от которой зритель не требует ни малейшей последовательности, в конечном счете играет очень важную роль. Она неопровержимо до-

казывает, что Д. Хармс, которого до сих пор считали детским поэтом, — острый, оригинальный писатель, занимающий в нашей литературе особое место.

Дело даже не в отсутствии сходства с другими писателями, дело в том, что его стихи для детей (с которых начинается спектакль) — лишь одна, и не самая главная, сторона его литературной работы. Тонко догадавшийся об этом Театр миниатюр украсил нашу драматургию.

В рецензии на спектакль принято отмечать недостатки. Я заметил только один: мне кажется, что не надо с помощью радио «готовить зрителя в антрактах к следующему акту».

Я ушел из театра с чувством праздника. Единственную женскую роль с блеском исполняет Л. Полищук... Актеры, режиссер М. Левитин, художник Б. Мессерер, балетмейстер Е. Абрамов и композитор Э. Мельников показали нам невероятно веселый, своеобразный, острый спектакль. Он чем-то похож на дружеский розыгрыш. И действительно, как сказал Гоголь, «скушно на этом свете, господа!» без доброго смеха, без юмора, без искусства, в котором обыкновенное неожиданно соединяется с необыкновенным.